

OCR: dalai@kuprin.de

Текст сверен с изданием: А. И. Куприн. Собрание сочинений в 9 томах. М.: Худ. литература, 1970. С. 377 - 382.

Представьте себе серьезное, неподвижное лицо в виде вытянутого книзу четырехугольника. Дополните лицо черной бородой в форме лопаты, лысиной, над которой вьется редкий пух, и большими синими консервами. Затем вообразите это лицо приставленным к маленькой, хилой, облеченной в длинной сюртук фигурке -- и перед вами получится довольно точное изображение внешности Петра Илиодоровича Нарциссова, одного из деятельных сотрудников "Приволжского листка".

Ядро редакции, в тесном смысле, составляли мы трое: я, в качестве специального "заимствователя", под громким названием "обозревателя внутренней жизни", Петр Илиодорович -- единственный в городе репортер, а также "наш собственный корреспондент" из всех мест земного шара, начиная с ближайшего уездного городка и кончая Калькуттой и Чикаго, и Сашенька Крикуновский, желчный и великодушный чудак, энциклопедист, "катавший" в листке ежедневные передовицы по всем отраслям науки, искусства, философии и политики. Четвертым и -- надо сознаться -- самым ревностным сотрудником "Приволжского листка" были ножницы, громадные, заржавевшие ножницы, которые вечно кто-нибудь "куда-то затаскивал", что служило частым поводом к оживленным редакционным прениям.

В шесть часов вечера мы собирались в редакцию в ожидании курьерского поезда, привозившего московскую и петербургскую почту. Зимой, по случаю снежных заносов, это ожидание иногда затягивалось на час и даже на два. Тогда все мы втроем садились вокруг пылающего камина. К нашей компании присоединялся Цезарь, старый, подслеповатый черный сеттер, принадлежавший редактору. Он подходил к нам своей подагрической походкой на негнибающихся ногах, тыкал каждого из нас в руку своим холодным и мокрым носом и затем со старческими вздохами укладывался поближе к огню.

Вот в эти-то вечерние часы Петр Илиодорович и являлся жертвою нашего скучающего остроумия. То мы выдумывали, что редактор распорядился выдать нам всем по сто рублей авансом, то уверяли Петра Илиодоровича, что утром приезжал в редакцию и спрашивал его какой-то сердитый генерал, то сочиняли целые фантастические истории по поводу его любвеобильного сердца.

Кто увидел бы, как Петр Илиодорович пробирается по улице бочком и сгорбившись, осторожную и спотыкающуюся походкой, похожей на походку слепого, тот невольно улыбнулся бы, услышав, что наш почтенный сотрудник являлся героем постоянных и многочисленных романов. Но это было так. Сам Петр Илиодорович со значительными движениями бровей рассказывал нам иногда про свои победы. В этих таинственных рассказах фигурировали то Баден-Баден и богатая иностранная графиня, то ревнивый муж и отчаянный прыжок Петра Илиодоровича в окно третьего этажа, то какая-то дочь родителей-миллионеров, покушавшаяся на самоубийство вследствие безнадежной любви.

Отличительною чертой в характере Петра Илиодоровича было то, что он не замечал, когда над ним смеются, и всегда на наши коварно-осторожные вопросы отвечал с самым искренним простосердечием. Однажды, от нечего делать, мы решили проследить, кто такая на самом деле таинственная и прекрасная Степанида, о которой Петр Илиодорович с многозначительной мимикой и красноречивыми фигурами умолчания говорил нам в продолжение целого месяца. С этой целью мы внезапно, без приглашения, нагрянули в квартиру нашего товарища. Петр Илиодорович ужасно нам обрадовался, растерянно засуетился по комнате, не зная, где нас посадить, и закричал в отворенную дверь: "Степанида! Степанида! Самовар скорее!" Мы с нетерпением устремили глаза на двери и так и покатались со смеху, когда в комнату вошла громадная баба лет тридцати шести, рябая, курносая, похожая на переодетого солдата. Петр Илиодорович догадался о причине нашего смеха, но слишком поздно...

Последнею зимою в наш город приехала бродячая цирковая труппа, состоявшая всего, кажется, из шести человек. В середине зимы к ней присоединилась, в качестве гастролерши, мисс Мей -- девица американского или английского происхождения, практиковавшая на арене цирка опыты гипнотического внушения, отгадывания мыслей и чудеса необычайного и внезапного увеличения в весе тела. Надо отдать ей справедливость, она была прехорошенькая -- сильная, краснощекая и смешливая брюнетка с живыми глазами, темным пушком на верхней губе и великолепными зубами.

Дня два или три спустя после ее первого дебюта Петр Илиодорович, придя в редакцию, казался